

ОГЛАВЛЕНИЕ

8	Пролог. Шоссе в рай
12	Глава 1. Член клана
32	Глава 2. Милый мальчик
54	Глава 3. Молодая кровь
80	Глава 4. Классный старик
102	Глава 5. У тебя есть яйца
116	Глава 6. Милашка Бон
142	Глава 7. Немилая группа
166	Глава 8. Все во имя свободы

194	Глава 9. Гигантская доза
230	Глава 10. Волк в волчьей шкуре
260	Глава 11. Кровь на камнях
290	Глава 12. Место там, внизу
318	Глава 13. На что ты способна ради денег, дорогая?
346	Глава 14. «Салют» двумя пальцами
368	Глава 15. Мастер-коммутатор
400	Глава 16. Последний шанс увидеть
427	Эпилог

ПРОЛОГ
ШОССЕ В РАЙ

Больница Королевы Елизаветы, Южная Австралия, февраль 1974 года. Утро после долгой ночи. Когда Бон проснулся, сразу стало понятно, что это не обычное злосчастное воскресное утро. Похмелье было, но не столь привычное. Были боль по всему телу и шишка на голове. Бон любит напиваться и дебоширить, казалось бы, чего еще можно ожидать?

Но на этот раз все было по-другому. Его взгляд не фокусировался. Он был не в состоянии пошевелиться. Дышать ртом было невозможно. Он приходил в сознание и снова терял его, пока, наконец, не узнал нависавших над ним людей. «Вы попали в аварию, — говорил чей-то голос. — Вы очень серьезно пострадали». Если перевести на обычный язык, от врача звучало что-то вроде: «Ты в дерьме, чувак. Похоже, ты покойник».

Бон опять отключился. И правда, покойник...

Позже, на следующий день, он увидел, как Ирен говорила с Винсом и плакала... Выбиты зубы, разбита челюсть, сломаны нога, рука, нос... все сломано. Почему она просто не зайдет и не скажет об этом?

Разбитые мечты — вот в чем была истинная причина боли. Двадцать восемь лет, женат, уже везде побывал. У него мог бы быть шанс. Он это знал, да все это знали. Никто не собирался говорить об этом вслух, но все можно было увидеть по их глазам, по тому, как они пытались на него не смотреть, но не могли.

Что же осталось? Поп-звезда — уже проходили. Рок-звезда — тоже проходили, но не справились. Тюрьма — ха-ха-ха. Женщины? Недостатка в их внимании он никогда не испытывал. Не обязательно было становиться королем вечеринок, чтобы найти женщину. Деньги — и зачем они нужны? Они заберут все, что когда-либо было. Они даже не позволят отдать хоть что-то добровольно. Ничего не оставят, только чтобы потом смотреть, как человек удивлен и подавлен.

Ирен нависла над больничной койкой: «Не умирай, Бон! Не умирай...»
Потом он услышал Винса: «Давай, чувак, ты сможешь...»
Скрип машины... Бог посмотрел на него и сказал: «Пора, Бон».
Ну и что? «Я был мертв уже до того, как они привезли меня сюда», — попытался успокоить себя Бон.

Бог с грустью покачал головой. Бон посмотрел на него, как будто собирался согласиться, но потом передумал. Первый раз в жизни ему стало страшно. Хотя нет, не страшно. Страх для слабаков. Скорее, он был обеспокоен ситуацией и четко видел свою ошибку. Ему было стыдно перед Ирен, Винсом и своими бедными родителями.

Бон сказал Богу: «Я не боюсь умереть. Ты это знаешь. Я всего лишь беспокоюсь о... ну, ты понимаешь».

«Я знаю», — ответил Бог, оставаясь невозмутимым.

«Вот что я тебе скажу. Дай мне еще пять лет, и я все исправлю. Идет, Бог?»

Бог, который все это уже не раз слышал, никак не отреагировал.

«Послушай ты, старый дурень, пять лет — это все, чего я прошу. Это же ерунда для тебя, черт возьми!»

Бог задумался. Действительно, он ведь может делать все, что ему вздумается.

«Пять лет, чтобы привести дела в порядок, потом можешь меня забирать, идет?»

Молчание.

«Пять лет, тварь! Чтобы на этот раз сделать все правильно, научиться держать рот на замке и вести себя по-другому в моменты, когда обстановка накаляется. Пять лет — это все, чего я прошу. Потом делай со мной что хочешь. Что скажешь, чувак?»

Честь. Лояльность.

Жесткость.

И способность
схватывать все на лету,
не следуя ничьим
правилам, кроме
собственных.

ГЛАВА 1

ЧЛЕН КЛАНА

«Мы будем великими, старик. Чертовски великими...» Вот что сказали бы братья Янг любому в Сиднее, кто сунул бы свой нос в их дела. Однако таких смельчаков не было.

Кем они себя возомнили? Парочка бесстыдников, хулиганов с улицы. Милашка Малькольм со своими длинными волосами и Ангус, его маленький лысый брат. Никто из них не был выше пяти футов. Но агрессивные маленькие мальчишки могли заткнуть любого, на кого только упадет их взгляд.

Они даже не были похожи на австралийцев, даже не звучали по-австралийски. Скорее, они выглядели и звучали как «деревенщины с дороги». Собственно, так оно и было.

Шотландия — земля, где никогда не было солнца, где ветер и дождь хлестали густым черным туманом по глазам. Братья Янг родились в Кранхилле, самом маленьком районе восточного Глазго, особенно крошечным он казался в сравнении с округами Истерхаус, Поллок, Каслмилк и Драмчапл, где вместо лагун военного времени местные власти построили высотки из черного кирпича.

Малькольм и Ангус были драчунами и целыми днями пропадали около водонапорной башни Кранхилла вместе с другими бродягами. Они были протестантами, платили взносы в Союз, но также являлись и частью большого клана, презируя при этом всех, кто к нему не принадлежал. Некоторые говорили, что братья Янг такие низкорослые из-за наличия свинца в водопроводе. Другие — что из-за жестокости. А они просто не хотели взрослеть и быть частью другого мира. Братья были счастливы здесь и сейчас, около этих канав и стоков.

Уроженец Глазго, владелец звукозаписывающей компании, которая помогла вывести AC/DC из стагнации в 90-е, музыкант Дерек Шульман позже рассказывал: «Клан всегда был сам по себе. Несмотря на весь успех, они никогда не переставали смотреть на окружающих,

как на врагов. Думаю, дело было в семье, в крови. Ты либо на сто процентов принадлежал этому закрытому кругу, либо не относился к нему вовсе».

Кранхилл, расположенный на трассе М8 к восточному Глазго, по сей день остается столь же мрачным местом, на горизонте которого возвышаются три блока башен.

Население города – менее пяти тысяч человек. Это место, где царят бедность, массовая безработица и уныние.

Кранхилл не имеет никакого отношения к мечтам поствоенных лет, когда были построены новые улицы города, названные в честь маяков Гантрок и Белрок. Но есть одна особенная улица, которая носит название Лонгстоун в честь английского маяка, где, по словам местных, Янги и жили 50 лет назад. Один из горожан, Малькольм Робертсон, говорит, что их дом все еще существует, так как все здания на этой улице сохранились после войны, однако никто не знает его точного номера и других координат.

Кранхилл, где есть и коттеджи, и традиционные каменные муниципальные дома, находится более чем в трех милях от ближайшего торгового центра. Палисадники завалены мусором, и, несмотря на то, что район окружен полосой зелени, это лишь придает ему дух изолированности. По словам Билли Слита, еще одного бывшего жителя Глазго, в данный момент ситуация куда лучше, чем во времена, когда Янги росли здесь: «Сейчас люди приезжают в Кранхилл и думают, что это достаточно мрачное место. Но вам нужно посмотреть на то, как все здесь выглядело в пятидесятых или шестидесятых. Смог с фабрик и верфей, дым от угольных пожаров и сигарет, тяжелый воздух. Это влияло на все. Стены были черными от копоти. Можно сказать, что это был ад».

У Уильяма Янга и его жены Маргарет уже было шестеро детей, а затем у них родились Малькольм (6 января 1953 года) и Ангус (31 марта 1955 года). Уильям был наземным механиком ВВС Великобритании во время Второй мировой войны. После этого он нашел работу маляра; затем трудился на сталелитейных и корабельных производствах, пока после сорока не оказался одним из многих безработных в городе, где бедность стала нормой. К счастью, к тому

времени пятеро из всех детей Уильяма и Маргарет – Стивен (1933), Маргарет (1936), Джон (1938), Алекс (1939) и Уильям (1941) – уже были достаточно взрослыми, чтобы обеспечивать себя самостоятельно, хотя все еще жили с родителями.

Это место не могло похвастаться широким выбором досуга, поэтому, помимо пабов, Янги увлекались разве что музыкой и футболом. У Маргарет, единственной девочки из семи детей, семнадцатилетней на момент рождения Малькольма, имелась коробка с записями, среди которых были пластинки Fast Domino, Литла Ричарда и Чака Берри. А все мальчишки хотя бы немного, но играли на музыкальных инструментах. Стиви знал, как правильно взять аккорд на фортепиано, Джон прекрасно играл на гитаре, а Алекс был самым одаренным с точки зрения музыки – владел гитарой, а позже и саксофоном, кларнетом и бас-гитарой.

Школьная песня в Милкрофте, где в начальных классах учились Малькольм и Ангус, начиналась со слов «Школа на холме, мы приветствуем тебя!»

В то время Алекс был близок к карьере профессионального музыканта и выступал на базах военно-воздушных сил США в Западной Германии. Он играл с Тони Шериданом, чей хит 1962 года *My Bonnie* был широко известен в Шотландии (и у которого The Beatles выступали в качестве бэк-группы во времена клуба Star Club в Гамбурге).

Пока что не было понятно, что настоящий музыкальный талант в семье – у Джорджа. Он был на семь лет старше Малькольма и больше любил футбол, чем музыку. И в спорте он действительно был хорош, причем настолько, чтобы, к примеру, попытать свои силы в команде Rangers из Глазго. Но мечты юноши были окончательно разрушены, когда семья переехала в Австралию. Джорджу тогда было 16 лет. В тот момент, вдохновившись примером Алекса, он тоже начал осваивать игру на гитаре.

Ни Малькольм, ни Ангус, напротив, не проявляли никакого интереса к музыке, зато были весьма успешны в уличных драках, кстати, это увлечение осталось с ними и во взрослой жизни.

Джордж тоже неплохо дрался, но ему было далеко до мастерства братьев. «Они были такими маленькими, что люди даже

не задумывались, что они могли представлять какую-то угрозу, — вспоминает бывший турменеджер группы Ян Джеффри. — Стоит сказать, что они не проиграли ни одной драки. Неважно, насколько крупным был противник, братья были действительно устрашающими соперниками. Они вступали в бой, дрались и просто оставляли оппонента валяться на земле». Даже после того, как семья переехала в Австралию, каким бы «принцем» ни был их соперник, кранхильская кровь брала верх. Ангус позже смеялся и говорил, что хотел бы вернуться в те места и назвать их «Ангусленд»: «Я бы доехал до водонапорной башни и повесил там наш флаг со светящейся молнией. Это выглядело бы так же, как буквы Голливуда». В данном случае это больше, чем просто сарказм. Чтобы выжить в Кранхилле, нужно быть отчаянным и жестким, а Малькольм и Ангус, согласно записям Яна Джеффри, «были не просто жесткими — они были чертовски жесткими».

Для братьев рисовали не самое радужное будущее. Их перспективы ограничивались судоверфями, заводами и пособием по безработице. И после того, как однажды после школы Ангуса сбила машина, отец всерьез задумался о переезде в Австралию по «схеме десяти фунтов» (10 фунтов за взрослого, дети бесплатно).

Шла зима 1963 года, худшая в истории и получившая название «Великие заморозки». Сугробы лежали на уровне верха входных дверей, трубы прорывались из-за льда. Мысль о том, чтобы уехать подальше, в тот момент была для семьи Янгов своего рода озарением. Единственным, кто не хотел переезжать, был Алекс, которому в тот момент было 23 года. Он был уверен, что скоро именно в этом месте взойдет его звезда. Остальные Янги не испытывали ни малейшей доли сомнения, что сделали все правильно, когда приземлились в аэропорту Сиднея. Другие пассажиры смотрели на них с удивлением и опаской, кажется, из-за восьмилетнего Ангуса, который всеми силами старался произвести впечатление на окружающих, круша все на своем пути в зоне получения багажа.

Семья переехала как раз в то время, когда австралийская зима вступала в свои права. Янги заселились в свой новый дом и понемногу начинали осознавать реальное положение дел. С момента их приезда дождь шел шесть недель подряд. Они даже шутили, что

привезли его с собой из Шотландии, хотя над этими шутками никто особо не смеялся.

Первые месяцы семейство было вынуждено жить вместе с другими иммигрантами в похожем на барак хостеле «Виллавуд Мигрант» (сегодня там находится следственный изолятор). Жилье располагалось в бедном районе пригорода. Утром в доме можно было обнаружить змей, ящериц и огромных черных пауков, ползающих среди вещей. «Они держали нас в этих деревянных лачугах, а еще постоянно лил дождь, — вспоминал Малькольм. — Утром над полом стояло два дюйма воды, в которой плавали черные гусеницы».

Уильяму и Маргарет начинало казаться, что они совершили огромную ошибку. Так думали и все остальные, хотя в глубине души все равно ждали, что рано или поздно дождь закончится и наконец-то придет обещанная новая жизнь.

Однажды ночью эти двое настолько отчаялись, что заплакали, прижимая к себе детей. Что они наделали?

Зачем перебрались из одной ямы в другую?

Затем наступило утро, и в каждом члене семьи снова проснулся дух клана. Никому нельзя было плакать во время раздачи молока. «Возвращаться уже слишком поздно», — сказала старшая сестра Маргарет, которая удерживала семью вместе и старалась всех воодушевить.

В то время как старшие члены семьи переживали о текущем положении дел, Джордж, которому тогда было почти 18 лет, сам нашел свое место в изменившихся реалиях. Он легко заводил новых друзей в общей столовой, и ему не терпелось открывать новые горизонты.

Людей, которые впоследствии изменили его судьбу и, на удивление, судьбу его младших братьев, Джордж встретил в прачечной. Это были двое голландских иммигрантов — Дингман Вандерлюкс и Йоханнес Ванденберг. Как и Джордж, они оба играли на гитаре: Йоханнес, будучи более талантливым, более одаренным из них, мог с легкостью воспроизводить рудиментарные соло, а Дингман, менее умелый, но более ритмичный, прекрасно управлялся с басом.

Джорджу было непросто каждый раз выговаривать их имена, поэтому он называл приятелей Дик и Гарри. Вскоре голландцы,

наконец, заметили, что окружающим действительно неудобно произносить их полные имена, и стали представляться исключительно как Дик Даймонд и Гарри Ванда.

Привыкший к «командному духу», который царил в Кранхилле, Джордж начал всюду водить Дика и Гарри за собой. Они, в свою очередь, очень быстро осваивались и с легкостью открывали для себя новые места в Виллавуде. А что они особенно любили, так это бывать на станции «Лейтонфилд», смотреть, как приходят и уходят поезда и представлять, что и они сейчас уедут отсюда.

Со временем парни начали постоянно брать с собой гитары. Теперь они быстро собирали толпы зрителей, в основном молодых девушек. Один из местных по имени Стив Райт, недавно прибывший из Англии, был недоволен тем, что этим троим достается столько внимания публики, и немедля сцепился с Джорджем. Тот с трудом сдержался, чтобы не ударить его обо что-то головой, но в итоге просто рассмеялся. Это был обыкновенный ответ тому, кто проявлял глупость и пытался задеть его. Такой же пылкий, как и младшие братья, но с холодной головой на плечах, Джордж решил не воевать со Стиви, а подружиться, и через какое-то время тот уже пел вместе с ним, Диком и Гарри.

Они сделали отличные рудиментарные версии песен Beatles и других групп из Топ-40. Да, некоторые до сих пор воспринимали Австралию как глубинку, настоящий край света, но все было не так: там работали радио и телевидение, как в любой другой цивилизованной стране. Правда, австралийские звезды рок-н-ролла пятидесятых и ранних шестидесятых имели на местных зрителей такое же влияние, как знаменитости из Британии и Америки.

Когда в хостеле начали организовывать так называемые «вечера темнокожих и рокеров» (как радостно объясняли организаторы, при их создании они вдохновлялись мультиэтническим составом постояльцев хостела), Джордж и его новые лучшие друзья тоже просились выступать. Единственной проблемой было отсутствие барабанщика. И тут появился новый участник программы иммиграции Гордон Флит. Ему было уже за двадцать. Нельзя сказать, что у него была привлекательная внешность, но группе Гордон понравился: он умел по-настоящему держать ритм и громко играть на ударных.

Когда семья Янгов наконец смогла перебраться в свой

собственный небольшой домик, находившийся около полицейского участка на улице Бурлей, 4 в Барвуде, богатом пригороде Сиднея, Стиви Райт переехал туда вместе с ними. «Растворился в клане Янгов, — позже говорил он. — Я любил их, а они любили меня».

К тому времени у группы уже было название — The Easybeats, придуманное по мотивам Merseybeat, но, конечно, обладавшее собственным духом. Парни уже становились известными, выступая на сценах местных пабов и клубов, и в 1964 году подписали свой первый контракт с менеджером. Его звали Майк Войган. Молодой и амбициозный, в прошлом — агент по недвижимости, он был знаком с одним бесценным человеком в музыкальном бизнесе — продюсером Тедом Альбертом.

27-летний Тед был сыном Алексиса Альберта, номинального главы J. Albert and Son, одной из старейших и наиболее влиятельных музыкальных компаний в Австралии.

Тед пошел по стопам своих успешных родственников и занял топовые позиции практически с первых записей — Billy Thorpe & The Aztecs, которые дали компании первый национальный австралийский хит летом 1964 года, исполнив каверы песни Leiber and Stoller *Poison Ivy*.

Тогда Beatles были свергнуты с первого места в сиднеевских чартах, это выглядело так, как будто группа путешествовала с туром по Австралии первый и последний раз. Это был успех, который мгновенно сделал Торпа национальным героем масштаба Неда Келли.

В последующие годы он и его группа продолжали «выезжать» на успехе предыдущих хитов, пока не пришло время новой истории Теда, The Easybeats.

Он был рад прослушать новую группу своего приятеля Майка Войгана в театре 2UW, принадлежащем Альбертам. Тед был поражен тем, насколько хорошо эти молодые музыканты играют, и сразу предложил группе записать сингл *For My Woman*, написанный Джорджем и Стиви. Песня была сделана в среднем темпе, по стилю напоминала Rolling Stones и особенно выделялась за счет ярко звучащей ритм-гитары Джорджа и психоделического гитарного соло Гарри, которые